

Н. А. Копачева
г. Минск, Беларусь

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЛОМОРФИЗМ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Целью настоящей статьи является исследование некоторых аспектов межъязыковой интерференции в речи студентов-лингвистов. Ее изучение в теоретическом аспекте связано с выявлением структурно и функционально сходных (изоморфных) и структурно и функционально различных (алломорфных) признаков, характеризующих системы обоих языков [1]. С практической точки зрения такое изучение может способствовать выявлению ошибок, возникающих вследствие влияния системы родного языка на систему соответствующих уровней иностранного языка, и наоборот [2]. Анализ работ по проблеме интерференции показывает, что понятие *языковая интерференция* имеет несколько значений. В широком смысле оно понимается как взаимодействие языков в условиях двуязычия, приводящее в конечном итоге к изменениям в системе и норме каждого из контактирующих языков. В узком смысле это понятие означает перенесение языкового опыта общения на одном языке в иноязычную коммуникацию в условиях учебной ситуации. Применительно к изучению иностранных языков интерференцией обычно называют изменения, которые возникают в речи индивида в одном языке, как правило, иностранном под влиянием другого языка, обычно родного [3; 4; 5]. В плане типологии интерференции наиболее популярна классификация на основе уровневого деления: фонологического, морфологического, семантического, синтаксического, лексического уровня [6]. Оставаясь наиболее востребованной, данная классификация не является единственной. Некоторые лингвисты предлагают другой подход, выделяя языковую, речевую, коммуникативную, экстралингвистическую интерференцию. Языковая интерференция в свою очередь подразделяется на фонологическую, морфологическую, синтаксическую, лексическую. Внутри речевой интерференции выделяется нормативная, узуальная, стилистическая. К коммуникативной интерференции относят контекстно-ситуативную, а к экстралингвистической – культурно-исторические реалии, мимику, жесты [7]. Существуют и другие критерии классификации языковой интерференции. Так, в зависимости от степени ее влияния на межъязыковую коммуникацию в лингвистике различают конструктивную интерференцию, которая не мешает, а, наоборот, способствует полноценной коммуникации, и деструктивную, затрудняющую коммуникацию как на бытовом, так и на профессионально-ориентированном уровне [8]. В зависимости от тяжести и характера интерференции выделяют три формы: грубую, умеренную и мягкую [9]. Не вдаваясь в более подробный анализ существующих классификаций, отметим, что общим во всех подходах выступает тот факт, что интерференция всегда присутствует в виде неосознанного переноса (*transfer*) билингом языковых

явлений из одного языка, как правило, родного, на иностранный. Другими словами, при изучении иностранного языка имеет место столкновение двух языковых систем.

В настоящей статье рассматриваются некоторые случаи умеренной и мягкой языковой интерференции на грамматическом уровне с позиции алломорфных явлений в русском и английском языках. Именно грамматическая (морфологическая и синтаксическая) интерференция остается менее изученной по сравнению с фонетической и лексической. Материалом для исследования послужил анализ ошибок студентов 4–5 курсов факультета английского языка МГЛУ, допускаемых ими в устной и письменной речи, а также при переводе с русского языка на английский и наоборот. Многолетний опыт работы со студентами-лингвистами показывает, что на продвинутом этапе обучения в речи их определенной категории в процессе иноязычного общения проявляется именно умеренная или мягкая, не деструктивная, языковая интерференция под влиянием родного языка. Попытаемся проанализировать некоторые ошибки студентов как результат таких видов языковой интерференции на грамматическом уровне.

Посмотрим на категорию определенности/неопределенности в сравниваемых языках. В английском языке она выражается определенным, неопределенным или нулевым (значащим) артиклем, что не характерно для системы, нормы и узуса русского/белорусского языка. Трудностью для русскоязычных, изучающих английский язык, является не только номенклатура артиклей, но и их морфологические, синтаксические, семантические и стилистические функции, которые определяются типом существительного и/или контекста, к которому относится артикль. В морфологическом аспекте артикль служит показателем и определителем существительного как части речи, что не характерно для русского языка. В английском языке значения артиклей заключаются в выявлении противопоставлений определенности и неопределенности, обобщения и конкретизации с различными классами существительных. Синтаксические позиционные отношения также влияют на употребление или значащее отсутствие артикля в английском языке. В стилистической функции в английском языке артикли употребляются для усиления экспрессивной и эмоциональной окраски. Названные функции артиклей в английском языке и их отсутствие в русском становятся причиной ошибок в речи русскоязычных студентов, изучающих английский язык. Следует также отметить, что категория определенности/неопределенности как семантическая категория существует и в русском языке, но она имеет другой лингвистический статус и другие способы выражения. Более того, она по-другому воспринимается и воспроизводится ее носителями. Многолетний опыт работы в лингвистическом вузе показывает, что студенты легче ориентируются в выборе средств компенсации английских артиклей при переводе с английского языка на русский. При переводе с русского на английский, а также в устной и письменной речи на английском языке студенты допускают больше ошибок в использовании артиклей (в частности, подмена одного артикля другим, или опущение артикля вообще в тех случаях, где он

необходим). Конфликт между нормой и узусом в речевых манифестациях студентов имеет место при использовании конструкций с *Complex Object* 'сложным дополнением' и *Complex Subject* 'сложным подлежащим' в английском языке. Под влиянием родного языка происходит подмена английских конструкций сложноподчиненными предложениями: например: *She saw how he entered the room* вместо: *She saw him entering(enter) the room*. Причиной такой интерференции является различие в структурном построении моделей предложения в английском языке под влиянием синтаксического строения предложений родного языка. Данные типологических сопоставительных исследований показывают, что носители английского языка отдают предпочтение простому предложению за счет использования в нем конструкций с инфинитивом, причастием, герундием и др., а в русском языке в таких случаях употребляется сложное предложение.

Особую сложность в плане межъязыковой интерференции представляют категории вида и времени в английском языке. Типологический алломорфизм проявляется в несовпадении понятий *Time* 'объективное время' и *Tense* 'грамматическое время' в русском и английском языках. В русском языке объективное время и грамматическое время совпадают, другими словами, одному объективному времени соответствует одно грамматическое время: настоящее, прошедшее, будущее. В английском языке такое совпадение отсутствует, так как категория вида в английском языке подчинена категории времени и категории временной отнесенности. Грамматическая омонимия вида проявляется и в том, что *Common Aspect* 'общий вид' английского глагола соответствует как совершенному, так и несовершенному виду в русском языке. Например: *I came* 'я пришел, я приходил'. В практическом плане такое «совмещение» трех категорий в английском языке выливается в количественные и качественные расхождения между видовременными формами глагола в сопоставляемых языках. Как следствие, каждому грамматическому (настоящему, прошедшему, будущему) времени в русском языке соответствуют четыре видовременные формы настоящего, четыре прошедшего, четыре будущего времени в английском языке. Кроме того, в английском языке существует еще и *Future-in-the-Past* 'будущее в прошедшем', а *Present Perfect* 'настоящее совершенное' может выражать не только настоящее, но и прошедшее время. Особенностью в употреблении видовременных форм глагола в английском языке, в отличие от русского, является также понятие *момента речи*, которое служит основой для правильной интерпретации видовременных форм настоящего, прошедшего и будущего времени в их абсолютном и относительном употреблении. Указанные алломорфные свойства являются серьезными интерферирующими признаками при освоении русскоязычными категорий вида и времени в английском языке.

Еще один пример языковой интерференции на грамматическом уровне представлен различием в значении и формах условного наклонения в сопоставляемых языках. В русском языке условное наклонение образуется от глагольных форм прошедшего времени с помощью условных частиц *бы/б*, обычно стоящих при глаголе, с которым они образуют форму условного

наклонения, в русском языке не имеющего временной отнесенности: одна и та же омонимичная форма может выражать действие, относящееся к настоящему, прошедшему или будущему времени. Например: *Я бы пришел (сегодня, вчера, завтра)*. В отличие от русского языка условное наклонение в английском языке выражается четырьмя формами: двумя синтетическими (*Subjunctive I, Subjunctive II*) и двумя аналитическими (*Conditional, Suppositional*). В семантическом плане они подразделяются на два типа условия: желаемое, предположительное, но не противоречащее реальности (*Subjunctive I* и *Suppositional*) и нереальное условие (*Subjunctive II* и *Conditional*). Такие количественные и качественные расхождения в способах выражения условного наклонения приводят в английском языке к асимметрии означаемого и означаемого. Нереальное действие, выражаемое формами *Subjunctive II*, имеет две временные формы употребления, омонимичные формам *Past Indefinite* и *Past Perfect* изъявительного наклонения в английском языке. Нереальное условие *Conditional Mood* также имеет две формы выражения, например, *would speak/would have spoken*. Следовательно, семантика форм нереального условного наклонения *Subjunctive II* и *Conditional Mood* и способы их выражения в английском языке, отличные от русского языка, являются причиной ошибок, обусловленных структурными и функциональными различиями.

Ошибки как результат межъязыковой интерференции возникают и при выражении категории отрицания, которая выявляет специфические особенности своего оформления в каждом из сравниваемых языков. Индикаторы отрицания занимают разные позиции в линейной последовательности членов предложения в английском и русском языках, что обусловлено структурно-синтаксическими способами выражения отрицания в сравниваемых языках: отрицание в английском предложении в большинстве случаев формально относится к сказуемому, в русском же языке оно практически относится к любому члену предложения. Это вызвано предикативными отличиями возражения: в русском языке оно практически относится к какому-нибудь члену предложения, возражение же в английском предложении в большинстве случаев формально относится к сказуемому. Следовательно, ошибки как результат межъязыковой интерференции в использовании отрицания в сравнительном плане возникают относительно места и количества форм отрицания в структуре английского и русского предложения. В английском простом предложении содержится только одно отрицание: это может быть общее отрицание, когда оно относится к сказуемому, или частное отрицание, если оно относится к какому-нибудь другому члену предложения. В русском предложении можно употреблять несколько форм отрицания, а отрицательная частица занимает место перед отрицаемым словом; в английском предложении место отрицания зависит от структуры видовременной формы сказуемого. В большинстве случаев отрицание находится после вспомогательной части сказуемого. Следует также отметить характерное для английского языка употребление отрицания *not* в сложных предложениях типа *I don't think, he is right* 'Я думаю, он не прав'. В отличие от русского в английском языке в аналогичной структуре отрицание находится в главном

предложении. Таким образом, место отрицания в структуре предложения отражает специфические особенности в каждом из сравниваемых языков и становится причиной умеренной интерференции.

Еще одним важным типологическим показателем на синтаксическом уровне в сопоставляемых языках является порядок слов. Следует отметить, что обгаружение позиционных возможностей и ограничений в использовании синтаксических элементов составляет одну из важнейших задач функционального синтаксиса. Как справедливо утверждает В. Е. Шевякова, как не может быть предложения без слов, так и не может быть предложения без определенного, свойственного данному языку, словопорядка. По ее мнению, основной трудностью выявления закономерностей словопорядка в том или ином языке выступает степень взаимоотношения его грамматической организации и коммуникативной перспективы, т.е. двух основных функций порядка слов [10].

В семантическом аспекте в современном английском языке, как и в других аналитических языках, правильная позиционная расстановка слов в структуре предложения обеспечивает успешную коммуникацию. Известно, что для русского и английского языков характерен определенный изоморфизм синтаксических позиций главных членов предложения: подлежащее–сказуемое–дополнение, например, *Ann is writing a letter* ‘Анна пишет письмо’. Тем не менее в английском языке от перемены местами подлежащего и дополнения изменяются субъектно-объектные отношения, что приводит к изменению смысла предложения. Например: *Jack loves Jill – Jill loves Jack* [10]. Данные примеры подтверждают утверждение лингвистов о том, что для английского языка грамматическая функция порядка слов более типична по сравнению с коммуникативной [11]. Отсутствие морфологических способов связи между словами в английском предложении компенсируется позиционными возможностями членов предложения. Наиболее выразительно это прослеживается на примере некоторых второстепенных членов предложения при выборе синтаксической позиции. Так, прямое дополнение в английском предложении стоит непосредственно после глагола. Например, *He likes poetry*. Если в английском предложении употребляются два дополнения, то тогда на помощь приходит порядок слов в разграничении прямого и косвенного дополнений. Например, *He gave his sister a present*. Если мы поменяем их местами, косвенное дополнение становится предложным. Например, *He gave a present to his sister*. Следовательно, позиции косвенного и предложного дополнений в английском языке определяются местом прямого дополнения в предложении [12]. В русском языке позиционные возможности предложного дополнения вариативны: оно может стоять перед прямым дополнением или после него без изменения смысла предложения. Например: *Я получил от отца телеграмму – Я получил телеграмму от отца*. Приведенные примеры функциональной активности порядка слов в английском языке свидетельствуют о том, что он, в связи с отсутствием согласования, выступает в чистом виде в качестве единственного средства передачи грамматического значения.

Посмотрим на порядок слов с позиции актуального членения предложения. Существует мнение, что в английском языке нет определенного позиционного выражения темы и ремы, как это имеет место в русском языке, и потому этот аспект не является предметом интерференции. Действительно, выбор позиции ремы в английском языке зависит от того, какой из членов предложения выступает ее носителем. Если подлежащее стоит в позиции ремы, то рема будет стоять перед темой. Например, *A tall young man entered the room. Jolyon was his name* 'В комнату вошел высокий молодой человек. Его звали Джолион'. В приведенных английских примерах рема находится в начале предложения, в русских – в конце предложения. Но в синтаксических конструкциях с вводными наречиями *here, there* рема-подлежащее находится в конце предложения. Например, *While there is life, there is hope. Here comes my brother John*. Следовательно, в аспекте теории актуального членения предложения в сопоставляемых языках существуют также алломорфные явления в способах выражения темы и ремы, что также служит причиной мягкой интерференции в речи студентов.

Проанализированные случаи языковой интерференции свидетельствуют о том, что в сопоставляемых языках имеет место прямая зависимость между глубиной и степенью интерференции, с одной стороны, и объективными и субъективными факторами взаимодействия – с другой. К объективным факторам мы относим системные, структурные, типологические особенности родного и изучаемого языков. Следует отметить, что не только алломорфные, но и изоморфные явления становятся причиной проявления интерференции, но этот аспект не был предметом настоящего исследования. К субъективным факторам можно отнести языковую компетенцию билингва, его индивидуальные языковые способности, а также психологическое и эмоциональное состояние в момент речи. На англоязычных кафедрах университета проводится постоянная кропотливая работа по совершенствованию учебно-методического обеспечения процесса обучения различным видам речевой деятельности и аспектам английского языка с целью минимизации межъязыковой интерференции. Известно, что языковая система изучаемого в процессе овладения им иностранным языком рассматривается как постоянно развивающаяся внутренняя система, которая влияет на характер и степень его языковой интерференции. Чем выше уровень владения иностранным языком, тем незаметнее проявляется интерференция.

Большинство студентов овладевают основными правилами системы, нормы и узуса изучаемого иностранного языка. Допускаемые ошибки или неточности объясняются не незнанием материала, а непроизвольной интерференцией родного языка студентов. Интерференция в подобных случаях не нарушает общего понимания смысла, не деформирует систему языка, а нарушает узуально-принятую норму английского языка. Такие нарушения в узуальной форме можно назвать погрешностями.

Учет алломорфных явлений в родном и изучаемом языках необходим не только для предотвращения нежелательной интерференции, но и для усиления мотивации изучения иностранного языка. В этом смысле типология как наука лингвометодическая предоставляет определенные возможности для повышения уровня профессиональной подготовки студентов-лингвистов. Она позволяет сформировать такое важнейшее профессиональное качество,

как умение сопоставлять и анализировать явления родного и иностранного языков с целью прогнозирования возможных ошибок учащихся и интенсификации процесса обучения. При этом следует особо отметить роль самостоятельной работы по типологии родного и иностранного языков, которая включает такие задания, как работа со специальной литературой с целью усвоения базового теоретического материала, выполнение исследовательской работы сопоставительного характера. Обязательным является выполнение специально подготовленных тестов в электронном формате и практических тестовых упражнений на определение сходств и различий на фонологическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях сопоставляемых языков. Широко практикуется такой вид самостоятельной работы, как подбор фактического языкового материала для семинарских занятий с целью проведения студентами мини-уроков по заданной теме. Практические семинарские задания по типологии построены таким образом, что они дают возможность студенту посмотреть на такие стороны структуры современного английского языка и на особенности его функционирования, которые могут вызывать межъязыковую интерференцию. Таким образом, курс типологии способствует осмыслению и углублению полученных практических и теоретических знаний в процессе обучения и их актуализации применительно к будущей профессиональной деятельности, обеспечению активной познавательной деятельности студентов, формированию умений и навыков самостоятельной работы. Сравнение выступает не только как средство обнаружения интерферирующих признаков и явлений, но и дает научно-методическую основу для методического прогнозирования, предупреждения и устранения интерференции на основе полученных знаний, умений и компетенций по практическим и теоретическим языковым дисциплинам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аракин, В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / В. Д. Аракин. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 1989. – 254с.
2. *Левицкий, А. Э.* Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие / А. Э. Левицкий, Л. Л. Славова. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск : ООО «БСТ», 2016. – 263 с.
3. *Самохина, И. А.* Языковая интерференция: обзор исследований в лингвистике / И. А. Самохина // Вестн. ТвГУ. Сер. Филология. – 2018. – № 4. – С. 90–96.
4. *Багана, Ж.* Акцент и ошибки как проявление интерференции / Ж. Багана, Е. В. Хапилина // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2006. – № 1. – С. 55–58.
5. *Микулич, А. В.* Вопросы интерференции в свете общей теории взаимодействия языков / А. В. Микулич // Лингвистика и практика. – Минск, 1995. – С. 28–34.
6. *Нехай, О. А.* Сравнительная типология английского и белорусского языков / О. А. Нехай, Т. В. Поплавская. – Минск : Выш. шк., 1983. – 173 с.
7. *Шелестова, О. В.* Способы предупреждения и преодоления интерференции при изучении неродственных языков (на примере английского и арабского языков) / О. В. Шелестова // Казан. пед. журнал. – 2008. – № 5. – С. 14–20.

8. Алимов, В. В. Интерференция в переводе / В. В. Алимов. – М. : КомКнига, 2005. – 229 с.
9. Теренин, А. В. Взгляд на языковую интерференцию и степени ее проявления [Электронный ресурс] / А. В. Теренин // Современные проблемы науки и образования : электронный журнал. – 2014. – № 3. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13089>. – Дата доступа: 02.02.2020.
10. Шевякова, В. Е. Современный английский язык: порядок слов, актуальное членение, интонация / В. Е. Шевякова ; АН СССР, кафедра иностр. яз. – М. : Наука, 1980. – 381 с.
11. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий ; под ред. В. В. Пассека. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1957. – 284 с.
12. Копачева, Н. А. Функционально-семантический потенциал линейного порядка языковых единиц в английском языке / Н. А. Копачева // Концептуализирующая сила грамматики : Ars grammatical : сб. науч. ст. / редкол.: А. М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2016. – С. 50–55.

Г. П. Латушка

г. Минск, Беларусь

ПЕРАРЫВАННЕ КАМУНІКАЦЫІ ЯК СПАСАБ ВЫРАЖЭННЯ НЯЗГОДЫ (на матэрыяле славянскіх моў)

Нязгода – гэта адхіленне якой-небудзь думкі, палажэння, меркавання, сцвярджэння; выказванне, у якім выражаецца адмаўленне чаго-небудзь; абвяржэнне чыёй-небудзь думкі [1]. Нязгода звычайна ўзнікае ў дыялогу як негатыўная рэакцыя на сцвярджэнне ці пытанне, а таксама пабуджэнне [2, с. 14], але можа з’яўляцца таксама ў маналогі пры пярэчанні самому сабе і праяўляцца ў адказ на дзеянне, здарэнне, падзею і г. д.

Існуюць розныя класіфікацыі відаў нязгоды. У залежнасці ад ініцыяльнага маўленчага ходу М. Я. Баскава падзяляе нязгodu на канстатыўна-арыентаваную, імпазітыўна-арыентаваную і прахібітыўную [3]. М. К. Любімава ў залежнасці ад стымулу вылучае нязгodu з меркаваннем, нязгodu ў адказ на пабуджэнне і нязгodu ў адказ на просьбу аб дазvole [4, с. 10]. Сярод відаў поўнай нязгоды даследчыца называе такія семантычныя групы, як пярэчанне, неадабрэнне, адмова, забарона, недапушчэнне, абвяржэнне, абурэнне, прадуманая нязгода, нязгода-вырак, а сярод відаў няпоўнай нязгоды – частковую, няўпэўненую, ветлівую, нязгodu і адыход ад тэмы, нязгodu-неўразуменне [4, с. 12]. К. А. Аразалінава апісвае ў канцэпце нязгоды ўласна нязгodu, нязгodu-неадабрэнне, нязгodu-недапушчэнне, нязгodu-абвяржэнне, нязгodu-аспрэчванне, нязгodu-абурэнне, нязгodu-неўразуменне, нязгodu-непрыманне, частковую нязгodu, нязгodu-ўдакладненне [2, с. 14]. Падобныя класіфікацыі сустракаем і ў іншых даследчыкаў: прамое пярэчанне¹, пярэчанне-

¹ Тое паняцце, якое мы разумеем пад тэрмінам *нязгода* (напрыклад, СНВ нязгоды), у некаторых навукоўцаў можа называцца «пярэчаннем», «адмовай», «негатыўнай рэакцыяй» і інш.